

Л. Н. Синельникова L. N. Sinelnikova
Луганск, Украина Lugansk, Ukraine**ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА
AD INFINITUM: УКРАИНСКИЙ ВЕКТОР****INFORMATION WARFARE AD INFINITUM:
UKRAINIAN WAY**

Аннотация. Показано, как разделение во взглядах, переходящее в разобщенность, фиксируется 1) в характере интерпретации событий и в оценке их исполнителей (модальность предположительности вместо объективной модальности, аргументы, способствующие дискредитации позиции оппонента, рост употребления инвектив и другое); 2) в специфике процесса семиозиса — формирования значений слов на основе оценок идеологического характера; 3) в факте гетеронимативности — функционировании в политических текстах оценочно не совместимых номинаций акторов политических действий. Понятия «правда», «справедливость» в условиях информационной войны оказываются продуктом и результатом дискурсивного конструирования и дискурсивного давления.

Abstract. It is shown how differences in views, turning into disunity, can be identified 1) in the character of interpretation of events and assessment of their performers (the modality of presumptions instead of objective modality, arguments, growth of invectives and others); 2) in the peculiarities of semiosis of words formation, based on estimations of ideological nature; 3) in the fact of heteronominative functioning of political communications; incompatible nominations of actors of political actions. The concepts of «truth», «justice» in the conditions of information warfare are the product and the result of a manipulative discursive construction.

Ключевые слова: лингвистика дискурса; информационная война; политическая коммуникация; акторы коммуникации; фейк; семиозис; социальная фасилитация; гетеронимативность; гетеротопия; аномия.

Key words: discourse linguistics; information warfare; political communication; actors of communication; fake; semiosis; social facilitation; heteronominativity; heterotopia; anomie.

Сведения об авторе: Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий.

About the author: Sinelnikova Lara Nikolaevna, Doctor of Philology, Head of the Department of Russian Linguistic Studies and Communicative Technologies of Lugansk National University (Ukraine).

Место работы: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Place of employment: Lugansk Taras Shevchenko National University.

Контактная информация: 91011, Украина, г. Луганск, ул. Оборонная, 2, к. 1-325.
e-mail: larnics@luguniv.edu.ua.

Информационные войны — составная часть политических коммуникаций. В любой период власть утверждает себя в конкурентной борьбе, которая в относительно мирном политическом противостоянии связана с деятельностью по «возвышению» собственного имиджа и «снижению» имиджа оппонентов. В кризисный период с любым названием: революция, переворот, мятеж и т. д. — политические коммуникации переходят в формат острой информационной войны. Аудит такого рода коммуникаций с позиций лингвистики дискурса требует внимания к сказанному, написанному, к стилю общения, к ключевым словам, фразам, т. е. ко всему тому, что имеет безусловную значимость для идентификации противоборствующих сторон и для определения их возможности влиять на общественное сознание. Лингвистическое знание в соединении с дискурсивным подходом нацеливает на понимание языковых проявлений и свидетельств

в когнитивно-психологическом и прагматическом аспектах.

Специалист по информационным войнам Г. Г. Почепцов в последних по времени размещении в Интернете статьях справедливо акцентирует факт экспансии информационной войны во всех социально значимых сферах как инструмента конкурентной борьбы: «Информационная война стала сегодня в центре политики, экономики и военного дела. „Мирные“ применения этого инструментария давно вышли за пределы его военного использования. Принятие решений существует во всех областях, и в случае конкурентного столкновения начинается борьба за единственность одного решения и против решений альтернативных» [Почепцов 2014].

В политических коммуникациях транзитного общества, к числу которых относится Украина, разделение информационной и психологической войны перестает быть значимым: в активной фазе политического проти-

воборства система информации организуется таким образом, чтобы не просто влиять на мнения, эмоции и поведение людей, но и оказывать на них сильнейшее психологическое воздействие. «Дискурс консолидации» и «дискурс разобщения» в условиях информационной войны интегрируются в некий общий конгломерат «дискурса конфронтационного реагирования», и эта взрывоопасная интеграция фиксируется в несовместимой разнородности и разновекторности коммуникаций. «Час икс» в политике — время, когда сообщающиеся сосуды «власть — оппозиция» перестают действовать с оглядкой на некие нормативные предписания, сложившиеся в международной практике, в результате чего (воспользуемся понятиями из характеристики сообщающихся сосудов в физике) «разность уровней» пребывания в информационном пространстве увеличивает «напор», сносящий перегородки в виде журналистской этики, политкорректности и подобного.

Дискурс информационной войны может быть квалифицирован как дискурс особого вида реагирования на события разного формата и значимости. В содержание понятия «реагирование» заложено другое, сложное в психологическом отношении понятие — реакция. *Реакция* (от лат. *re* — против, *action* — действие) — акт поведения, инициируемый неким событием внешнего мира, поведением другого человека, других людей, с которыми вступаешь во взаимодействие. Реакция связана с целым спектром состояний: ощущениями, представлениями, мыслями, эмоциональными переживаниями, с настроением. Реакции могут быть произвольными и непроизвольными, но в любом случае они возникают в ответ на стимул из внешнего, событийного мира и проявляют отношение к такому стимулу. *Реагировать* — отзываться каким-нибудь образом на раздражение, воздействие извне; проявлять свое отношение к чему-либо.

Как реакция, так и реагирование связаны с событием, т. е. с определенным положением вещей, являющимся частью бытия человека или общества в целом. Но только реагирование делает возможным включение события в интерпретирующий медийный контекст, т. е. в контекст, в котором семантика, прагматика и векторы интерпретации оказываются взаимообусловленными [Демьянков 1983]. Происходит движение от события к его переработке общественным сознанием [Харламов 2010], и далее (если событие имеет социальную значимость или если такая значимость приписывается ему СМИ) начинаются ответные действия. Поскольку информационная война нуждается в собы-

тиях, любое значительное или незначительное действие может быть (по умолчанию или по ситуативной договоренности) превращено в событие политического ранга.

Политический дискурс, как и любой другой, отражает и вербально обеспечивает органическую связь между текстом и контекстом. Стремление создать негативный контекст реализуется в соответствующих текстах, и между контекстом и текстом в этом случае создаются особые корреляционные отношения: негативный текст начинает принимать участие в создании негативного контекста. В условиях интенсивно организованной информационной войны происходит «раскручивание спирали» событий, возрастает степень неконтролируемой информационной вариативности. Одна интерпретация влечет за собой другую, поддерживающую или опровергающую предыдущую. Увеличение объема интерпретаций одного и то же события при одновременном снижении ответственности за объективность неизбежно повышает уровень провокативности в «ленте событий». Нарративная цепочка «кто / что? — где? — когда?», которая в своей целостности должна быть носителем фактологичности и конкретности, перестает свидетельствовать о совпадении с действительностью. Отличить события от псевдособытий по признакам объективной модальности (применения категории наклона, времени, персональности, детерминации, соотношения репродуктивного и информативного сегментов) далеко не всегда представляется возможным.

В дискурсе информационной войны действуют две основные коммуникативные установки: *вытеснение* (убрать любые аргументы оппонентов) и *замещение* (заменить своими, придав им максимально убедительную, вызывающую доверие адресата форму). Информационная война — это прежде всего вербальная война [Романова 2012], война языковых знаков как война дискурсов. Событие превращается в событийную среду, в которую включаются всё новые и новые аргументы «замещения». В результате интерпретация сама становится событием. Информационная война сопровождается избыточностью одних новостей и их интерпретаций и игнорированием других. Критерий выбора универсален — ценностные идеологические предпочтения.

В условиях политического кризиса вербальная подача события в полной мере соответствует «определенным соглашениям» по поводу контента канала или издания. Именно в условиях информационной войны может происходить резкая смена речевого

облика журналиста в сторону категоричности и безальтернативности оценок, порой — неполиткорректного поведения, неуважения к мнению собеседника «с другой стороны». Связанная со свободой слова формула «журналисты без границ» в условиях жесткой информационной войны модифицируется в вариант «журналисты без этических ограничений и норм». Изменения ролевых регистров журналистов — от профессиональной ответственности к конъюнктурному поведению — порой основываются не только на естественном для современной журналистики желании угодить целевому адресату, но и угодить «хозяину».

В условиях нацеленности на новостную информацию по теме главного события происходит сужение интерактивных действий журналистов, ограничение жанрово-стилистического регистра, поскольку каждая привязанная к каналу или изданию журналистская корпорация, формируя повестку дня, работает преимущественно со своим адресатом, т. е. с теми людьми, которые разделяют декларируемую позицию. Точка зрения оппонентов или вообще не учитывается, или (что еще хуже) учитывается избирательно и искаженно. В угоду целевому адресату с обеих сторон происходят безальтернативные квалифицирующие обобщения положения вещей: экстремизм, радикализм, мирный процесс, освободительное движение и т. д. Преувеличения («игра масштабами») в дискурсе информационной войны сопровождаются односторонними оценками политических событий. Понятия «правда», «справедливость» в условиях информационной войны оказываются продуктом и результатом дискурсивного конструирования.

Стрессогенность становится частью сознания общества в том случае, если правдивая информация микшируется с ложной, если теряются критерии, позволяющие отличать правду (неполную правду) от лжи. Полуправда еще не ложь, но в условиях политического противостояния она становится благодатной почвой для лжи.

Информационному шуму способствуют сенсации, изготовление которых поставлено на поток. Новостная лента включает как реальные новости, так и фейк-новости (от англ. *fake* — подделка; употребляется для маркировки незаконных коммуникативных действий в пространстве Интернета, создания поддельных сайтов, которые почти невозможно отличить от настоящих). Фейк-новости могут поддерживаться, а то и просто заменяться фейк-видео, фейк-фотографиями, подлинность которых нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Отсутствие подтверждающих ин-

формацию фактов (фейк-контроля), по нормам журналистской этики, должно быть маркированным и как минимум сопровождаться дискурсивными вводами: *из непроверенных источников, информация не получила подтверждения, вызывает сомнения, из серии слухов* и т. п., — но этой международной этической установке противоборствующие стороны, как правило, перестают следовать. Впрочем, монтаж событий, согласованный с доминирующим политическим тезисом, сопровождает пропагандистские действия любого рода и в любой стране.

Реакция не может предшествовать событию. Для нарративных историй периода информационной войны характерна «агрессия по заданию». Особый случай — появление интерпретаций до события, т. е. до его оформления в темпорально-топическом и деятельностном наполнении. Асинхронность отношений между событием и фактом («Факты» никогда полностью не идентифицируются с «событиями»). Относясь к наблюдаемому миру, факты не могут стать объектом наблюдения: можно быть свидетелем события, но нельзя быть свидетелем факта» [Арутюнова 1999: 505]) позволяет широко эксплуатировать специфическую модальность — модальность предположительности, маркируемую словами *как будто, якобы, по всей вероятности* и подобными. Слухи сопровождают информационную войну, а «слухмейкеры» выполняют свою миссию — контролировать и изменять «температурный режим» общества в сторону его последовательного повышения. Возникает вполне оправданное представление о жестком управлении информационной средой.

Информационная война приспособливает систему аргументов к тезисам, доминирующим в идеологии противоборствующих сторон. Аргументы к факту, к цифре, к свидетельствам очевидцев демонстрируют тенденциозный выбор эпизодов, свидетелей событий, произвольный подсчет и т. п. Выгодные аргументы опираются на соответствующее языковое употребление, поддерживаются технически — формами движения камеры, оптикой подачи материала (субъективная фокусировка), повторами кадров и т. д.

Создание образа врага как персуазивная стратегия политического дискурса в полной мере проявляет себя в условиях информационной войны. Образ врага и образ благодетеля (мнимого, гипотетического, но всегда положительно оцениваемого) создают идеологический фундамент информационной войны. Политическая информационная война сопровождается обострением фобий.

Публичные русофобские и украинофобские высказывания объединяют единоверцев, но разделяют общество.

Баланс между присутствием в пространстве СМИ «своих» и «чужих» перестает соблюдаться — возникает когнитивный диссонанс как отсутствие «точки согласия» хотя бы в варианте обсуждения возможностей. В связи с резкой «перезагрузкой» отношений в пространстве «свои/чужие», «мы/они» увеличивается степень эксплицированной речевой агрессии в виде инвектив, выходящих за пределы политкорректности. Растабуированность в выборе оценочных средств также можно отнести к особенностям информационной войны в эпоху экстремальных перемен: отношения между эксплицитностью и имплицитностью изменяются в пользу первого признака. Принципы лингвистики полностью игнорируются. Более того, всё чаще в дискурс вводятся отрицательные ценностные знаки, приписываемые обыденным сознанием той или иной национальной культуре. Политическое применение культурных различий — один из признаков дискурса информационной войны.

Показательны примеры «тропологической суггестивности» (М. Р. Желтухина): *поза дувекторности, социальная турбулентность, веерный захват, токсичная информация, котел революции, пиар-угар, идеологическая яма, политические камикадзе, амортизационная подушка, санкционный зуд, передвыборная сага, интеллектуальный файсфуд, газовый шантаж, политические судороги*. Замечен словообразовательный креатив, нередко сопровождаемый иронией: *еврогости, евроморковка, евроутро, евроночь, еврообстановка, евронадежды, европровокация, еврокапризы* и даже *евромусор*. Неологизмы выступают в роли дискурсивных маркеров — знаков событий, интерпретация которых включается в пространство информационной войны (например, *ленинопад* — снос памятников Ленину). В быстротечности событий рождаются новые виды манипулятивных приемов, которые еще предстоит понять и систематизировать.

Дискурс-анализ — это не только структурно-семиотическое исследование текстов, но и анализ реакции общественности. Свою лепту в сценарий информационной войны вносят блогеры, профессиональные и любительские интернет-комментаторы, политологи разного уровня квалификации. Качество формируемого в Сети идеологического продукта трудно верифицировать по признаку объективности, а вот по признаку психологического воздействия стрессогенного характера, игры на политических рефлексках, пре-

жде всего молодежи, вполне возможно. Без трудоемких социологических опросов можно узнать, какой политик в тренде и что о нем говорят люди, находящиеся в разных ценностных измерениях.

Тенденции к избирательности форм обратной связи в официальных СМИ противостоит интернет-коммуникация во всём разнообразии ее жанровых форм. Любая новость получает в Сети разносторонний комментарий. Сленговым словом «сабж» именуется предлагаемая на ресурсе тема для обсуждения, участники которой проявляют противостояние на уровне обыденного сознания. Для оценки состояния общественного сознания имеет значение информация о том, какие темы и как обсуждаются. Комментология (наука о комментариях) может существенно пополнить свои методологические резервы за счет изучения языка, стиля, особенностей диалога в интернет-комментариях как типе текста.

Для понимания сути информационной войны важно представление о майдане как гетеротопии. Гетеротопия — другое место, место иного течения времени (по М. Фуко [См.: Русакова 2014], это место, которое значимо как для разных повседневных практик, так и для фиксации духовных (сакральных) ценностей [Харламов 2010]). Гетеротопический подход вполне согласуется с дискурсивным: социально значимое пространство диктует сценарии, формы поведения, в том числе коммуникативного. Майдан — это место, которое отсылает к определенным политическим, этическим и национально-культурным кодам (так же, как Москва, Кремль, Вашингтон, Белый дом и др.). Интерпретация майдана как гетеротопии не однородна, так как, с одной стороны, оценочные признаки накапливались постепенно и поэтапно, согласовываясь с движением и результатом происходивших на этом месте событий, с другой — в условиях информационной войны происходила (и происходит до сих пор) жесткая дифференциация характеристик этого топоса. С одной стороны, это место надежды, освободительная деятельность, средоточие признаков национальной идентичности и языковой общности, трагедия и счастье, место изменения самосознания народа, сакральное место («небесная сотня» — погибшие на Майдане активисты), с другой — политический перформанс, основанный на политтехнологиях и артефактах (палатки, баки для обогрева, брусчатка как «продукт двойного назначения», «подножное» оружие, автомобильные шины, названные «колесами истории», маски, булочки г-жи Нуланд и другие инсталляции в полити-

ческую реальность), ритуализованные коммуникации, активность фасцинативных сигналов [Григорьева 2004], [Пастухов 2013], музификация и прочее. Дискурсивная интенсификация символов проявляет суггестивную природу информационной войны.

Показательно расширение гетеротопии «майдан», которое также проходило по сценариям информационной войны — знаковость майдана как протестного политического тренда утверждается новыми топосами: детский майдан, евромайдан в Мадриде, брюссельский евромайдан, литовский майдан, автомайдан и т. д.; топос «антимайдан» («стопмайдан») формировался менее активно и практически был ограничен пределами Украины. Новый виток развития гетеротопии «майдан» связан, с одной стороны, с тенденцией превращения места в зону туристического внимания, с другой — с требованием сохранить Майдан как место возможных активных действий.

На основе гетеротопии «майдан» сформировался и продолжает развиваться в варианте «сабжа» самостоятельный дискурс — «Уроки Майдана», междисциплинарный анализ которого позволит понять колоссальный межнациональный и межличностный продуцирующий потенциал этой специфической гетеротопии. Модели поведения, рожденные Майданом, получают распространение: рождаются новые гетеротопии политического характера, например, Юго-Восток Украины.

Приведем любопытный пример рассуждения о трех событийных уроках Майдана: 1) представление о Майдане как точке бифуркации, проявленной в форме баррикад (*Великое событие упрощает социальную реальность; Иногда хороша определенность баррикады: или с той стороны — или с этой; Для того чтобы продвинуться вперед, обществу иногда следует упроститься*); 2) обязательное наличие результата (*Событие должно привести к какому-либо ощутимому изменению социальной реальности*), 3) конец эпохи бессобытийности (*Главный событийный урок Майдана таков: не следует бояться событий. Не следует стремиться увести страну в болото бессобытийности. В ближайшем будущем событийники будут одерживать верх над бессобытийниками* [Ерёменко 2014]). Вполне естественно, что каждый событийный урок по-своему преломляется в дискурсе информационной войны: в воззваниях, публичных выступлениях, в интервью, комментариях и т. д.

Медийные события политической тематики транспонируются в проблемы организации высказывания, т. е. в языковую про-

блему. «Властвование посредством производства значений», по теории Грамши [Русскова 2006], — одна из основных когнитивных установок политического дискурса. Модусы истины, перцепции («переживаемость» события), оценки, мнения, знания и т. д. [Плотникова 2009] проявляет язык информационных «вбросов» как сенсационных новостей.

Коммуникация — движение смыслов в социальном времени и пространстве. Политическая культура, как и культура вообще, семиотична. Специфика семиозиса (процесса формирования значения) в условиях информационной войны становится особо ощутимой. Дискурс информационной войны демонстрирует движение смыслов, возникающих в результате вовлеченности многих социальных акторов в медийное инсценирование политического события. Самодостаточность и самоценность приобретают номинации, закрепленные за конкретными акторами политических действий.

Гетерономинативность (множественность номинаций, идентифицирующих субъектов действий) в варианте стилистической несовместимости является проявлением информационной войны как борьбы дискурсов. Номинации маркируют факт непримиримости противоборствующих сторон и определяют риторику медийного текста как в письменной, так и в устной форме: *мирные протестующие, митингующие, участники массовых демонстраций, активисты, правозащитники, бойцы революции, герои майдана* — с одной стороны, и *оппозиционеры, штурмовики, террористы, преступники, бандиты, провокаторы, бунтовщики, погромщики, оголтелые экстремисты, неонацисты, радикалы, радикально настроенные участники протеста, захватчики, пророссийские активисты* — с другой. Тенденциозная заданность номинаций очевидна: культивируется и считается единственно справедливым только собственное видение проблемы, признается только своя система ценностей. Когда значение слова сводится к оценке, поднимается уровень влияния названий на поведение людей. Более того, навязываемый разновекторными СМИ дискурс, основывающийся на тенденциозном выборе номинаций, разделяет общество.

В условиях информационной войны происходит челночное движение — от событий к их фиксации в словесно-знаковых формах и от утвержденных в сознании общественности номинаций к новым дискурсивным применениям. При этом для обеих сторон характерна активность дискурсивного ввода «так называемые» как знака отторжения (дистанцирования) от неприемлемой номи-

нации и импульса для взаимных упреков в неправильном (несправедливом) атрибутировании друг друга. Кавычки пополнили список политически маркированных средств (такую маркировку давно имеют предлоги «в» / «на»): закавычиваются те названия, которые представляют «чужой» дискурс. Политический детектив на Украине организует собственное ономастическое поле, в котором номинации оказываются носителями интриги и императивами оценки: *мятеж* или *борьба за свои права*, *наемные провокаторы* или *народные представители* и т. д.

Активность семиозиса соответствует быстроте событий, и та номинация, которая в спокойных условиях могла не оставить следа в политическом лексиконе, дискурсивно утверждается, принося с собой набор идеологических установок и отражаясь на ближайшей «дорожной карте» (*автомайда-новцы*, *правый сектор*, *левый сектор*, *красный сектор* и др.). Номинации в условиях информационной войны — это свернутые модели социально-политических действий, определяющие сценарии поведения и характер взаимодействия с другими политическими акторами. Предпочитаемые номинации вписывают группы людей и отдельных личностей в определенные политически маркированные сценарии действий и в сформированную в условиях информационной войны норму их вербального представления. Медианарратив Украины строится на бинарных оппозиционных контекстах и текстах. Бинарная оппозиция оказывается стимулом и принципом расширения дискурса информационной войны.

Предпочитаемые тем или иным информационным каналом номинации субъектов политических действий позволяют успешно решать задачи аффилиации (от англ. *affiliation* — соединение, связь) с определенными группами населения. Ср.: *Бунтари орудут на баррикадах* и *Силовики выполняют свои обязанности по защите порядка*; *Запад поддерживает мирных демонстрантов* и *Мирные демонстранты с „коктейлями Молотова“ в руках*. В диаметральнойности такого рода информации «с места событий» можно усмотреть характерное для информационных войн дискурсивное давление.

В применении определенного типа номинаций можно усмотреть действие принципа социальной фасилитации, влияющей на коммуникативное поведение участников политических действий. Социальная фасилитация (от лат. *socialis* — общественный, *facilitare* — облегчать) — это процесс и результат усиления доминантных реакций в присутствии других, усиление активности дейст-

вий, в том числе оценочно-речевых. Фасилитация как социально-психологический феномен имеет специфическое когнитивно-языковое измерение. Журналисты стремятся создать эффект «своего поля» через специфический комплекс риторических средств. В результате более резкой становится оппозиция «мы/они» (с обеих сторон доминирует вариант «только мы»). В других ситуациях — вне своего поля — политики и журналисты могут использовать другие номинации и другую риторику, что можно считать проявлением конформизма, не чуждого информационным войнам [Майерс 2007].

Холодная война в горячем дискурсе — так можно определить характер информационной войны в Украине «времени икс» как времени революции, переворота, «точки невозврата» и других возможных характеристик, каждая из которых также является носителем признаков информационной войны.

Затянувшаяся, построенная на непримиримости сторон информационная война способствует развитию социальной аномии (от фр. *anomie* — беззаконие, безнормативность) как девиантного состояния, для которого характерен ряд признаков: падение нравов; состояние отчуждения человека или группы лиц; распад норм, регулирующих социальное взаимодействие; чувство потери ориентации в жизни, когда индивид ставится перед необходимостью выполнения противоречащих друг другу норм; диссонанс между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать и подобное. Аномия возникает и развивается не без помощи выбираемого противоборствующими сторонами стиля общения. «Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию», — это фундаментальное суждение Г. Померанца (которое можно ассоциативно объединить со знаменитой фразой диссидента Андрея Синявского, прозвучавшей в 1966 г. на судебном процессе, о том, что его разногласия с властью стилистические) значимо для выявления сути дискурса информационной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Факт // Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.
2. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2004.
3. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста. URL: http://www.infolex.ru.IZV4_83.html (дата обращения: 25.03.2014).

4. *Ерёменко А.* Событийные уроки Майдана. URL: <http://www.ostrovok.lg.ua> (дата обращения: 28.02.2014).

5. *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб. : Питер, 2007.

6. *Пастухов А. Г.* Документация, оценка и классификация фасцинативных реакций в медиа // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. — Орёл : ФГБОУ ВПО «ОГИиК» : ООО «Горизонт», 2013. Вып. 1. С. 158—174.

7. *Плотникова С. Н.* Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 104—109.

8. *Почепцов Г. Г.* Информационная война: определения и базовые понятия. URL: <http://osvssita.mediasapiens.ua/material/27807> (дата обращения: 16.02.2014).

9. *Романова Т. В.* Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии // Журналистика и культура русской речи. — М. : Изд-во МГУ, 2012. Т. 62. № 2. С. 56—68.

10. *Русакова О. Ф.* Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Политэкс: политическая экспертиза. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. № 3. URL: <http://www.politex.info/content/view/267/40> (дата обращения: 17.04.2014).

11. *Харламов Н.* Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества // Журнальный клуб Интелрос «Синий диван». 2010. № 15. С. 189—197. URL: http://www.intelros.ru/pdf/siniy_divan/15/15/pdf (дата обращения: 16.04.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.